

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА В РАБОТАХ ПРОФ. А. Е. СУПРУНА

А. А. Кожина

Проблемы лингвистики текста всегда занимали особое место в научном творчестве Адама Евгеньевича Супруна. Достаточно сказать, что первая работа на эту тему – *Язык – текст – речь* – была опубликована в 1966 г. [Супрун 1966]. Такой доклад безоговорочно был бы включен в нашу программу, но, наверное, в программе алма-атинской межвузовской конференции, посвященной 50-летию Советской власти, он мог выглядеть как послание из космоса. Ведь даже Р. Якобсон на коллоквиуме в Массачусетском институте технологии в начале 70-х замечал: «[единица языка] самого высокого уровня, именуемая высказыванием (utterance), которое может охватить большое число предложений, и дискурс (discourse), который обычно являет собой обмен высказываниями, остаются за пределами лингвистического анализа» [Jakobson 1971: 285].

Возможно, общее отсутствие интереса к текстлингвистической проблематике приводит к тому, что позже, уже в 70-х, А. Е. Супрун пишет подобные статьи достаточно редко и в русле иных интересов, захватывающих его в то время: психолингвистики («Две модели порождения текста при двуязычии, перенос и интерференция» (в соавторстве с А. П. Клименко) [Клименко, Супрун 1971]) и лингводидактики («Художественный текст в учебнике русского языка» [Супрун 1972]).

Однако основные исследования по лингвистике текста появляются среди работ Адама Евгеньевича в конце 80-х начале 90-х гг. Их можно разделить на две основные группы в зависимости от исследуемого объекта. Это исследования древних текстов и исследования поэтических текстов. Особо следует отметить исследование редкого текста – шуточной полабской свадебной песни. Проза Нового времени, а также научные и публицистические тексты не очень интересовали профессора.

Нужно сказать, что Адам Евгеньевич подходил к представлению структуры текста с когнитивной точки зрения еще в то время, когда когнитивизм не являлся «модным» языковедческим направлением исследования. Он писал в «Вопросах языкознания»: «Реализация когнитивной функции языка происходит в процессе его функционирования путем передачи через язык обширной текстовой информации о приобретенных обществом сведениях об окружающем мире... Попадая в человеческое сознание сначала через текст, такая информация постепенно, на протяжении жизни поколений оседает в языковом устройстве и превращается в его часть» [Супрун 1995: 17].

При этом картина текста реконструировалась не только для стихотворения Бориса Пастернака, которое, собственно, и было посвящено художественному представлению действительности, но и в одном из ранних славянских текстов – Службе св. Вячеславу, создание которого было посвящено совершенно иным целям.

В обоих случаях в статьях были представлены стройные и элегантные схемы. Так, анализируя структуру стихотворения Б. Пастернака «Нобелевская премия» Адам Евгеньевич на основе лексического анализа текста графически представляет ситуацию, в которую попадает затравленный режиссером поэт [Супрун 2001:53]:

Шум погони	
/я пропал, как зверь/	
В ЗАГОНЕ	
берег пруда	ели сваленной бревно
темный лес	

отовсюду путь отрезан
наружу ходу нет

В статье о «Службе же св. Вячеславу» графическое представление отсутствует, однако представление ситуации от этого не кажется менее наглядным: «В тексте возникает и второе семиотическое противопоставление: небо – и преисподняя, Бог с ангелами и человеками – и враги. Види-

мость и невидимость врагов связывает их с тьмой, в то время как общее ликование неба и земли – светло, а память святого Вячеслава – пресветла» [Супрун 2001: 32].

Схематическое представление получила и реализованная в пространстве текста структура коммуникативного акта, причем этот коммуникативный акт структурировался не на примере речи американского и русского президентов, как это любят делать сегодняшние диссертанты, а на основе древнейшего и сложнейшего текста Фрейзинских отрывков [Супрун 2001:163]: «Таким образом, из анализа коротких общения, названных в перечислениях адресатов, следует довольно сложная ступенчатая схема сложного речевого акта и поведи, складывающегося из трех речевых актов А, В, С; тактов речевого акта».

А: Адресант (автор) → Адресат (священник)

В: (священник) Адресант (прихожане) → Адресат

С: Адресант (прихожане) → Адресат (Бог)

Со-адресат (священник) → Со-адресаты (Мария, святые...)

Картина мира конструируется и при анализе стихотворения К. Чуковского «Телефон». Однако в статье, посвященной ему, особое внимание привлекает представление текстлингвистической прагматики, о характере которой ярко свидетельствует, например, следующая весьма примечательная цитата: «А еще важно: пусть задумается хоть мимолетно слушатель (еще ведь не читатель) поэмы: а хорошо ли все лишь просить по телефону: ...к ужину дюжину новых и сладких калош. Когда калоши были еще реальностью, быть может, какой-нибудь юный экспериментатор попробовал их на вкус и, убедившись в их несладкости, опытным путем установил отсутствие у себя чувства юмора. Но большинство понимало, что сладки калоши – только для крокодила, и вообще тут что-то не так» [Супрун 2001:63–64].

Тексты рассматривались Адамом Евгеньевичем в аспектах парадигматики и синтагматики. Он не ограничивался анализом взаимоотношений единиц в пространстве тек-

ста, того, что Р. Якобсон называл переносом принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации. Вертикальным контекстом «Телефона» становится бахтинский карнавал, а «Свеча» Пастернака, стихотворение, якобы придуманное самим Юрием Живаго, вписывается Супруном не только в синтагматику всего романа с обнаружением многочисленных соответствий («Безусловно связь двусторонняя с рядом мест романа, где речь идет о горящей свече, в том числе и той, поставленной Пашей Антиповым для Лары (3.9) и замеченной Юрием Живаго (3.10), породившей рассматриваемые строки: ср. также 4.3, но ср. и важный горящий фонарь в этой же главе, а также другие свечи в романе (2.17; 5.14)» [Супрун 2001: 76]), но и в общую синтагматику и преемственность культуры («Не будем здесь и сейчас искать смысла этой фразы то ли через соотнесение с Нагорной проповедью, то ли с другими местами Священного писания, где тоже есть образ свечи (Апокалипсис 8.10, Мк. 14.54, Ио 18.3, Деян. 16.29, 20.8). Нет убеждения в том, что вертикальный контекст включает двенадцатистрочные стихи Иннокентия Анненского "Canzone" ..., где свеча на окне – сигнал любовного свидания; но не исключено, что в такой контекст входит пушкинское стихотворение "Ночь" ("Близ ложа моего печальная свеча горит")» [Супрун 2001:76]).

Понятно, что для представления подобного вертикального и горизонтального контекстов необходимо было эти контексты найти – эрудиция Адама Евгеньевича поражает. В каждой статье читателя встречает истинный фейерверк сведений – внутри и внетекстовых, как, например, в статье, посвященной анализу структуры текста небольшого, в общем, стихотворения В. Маяковского («Лексическая структура стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям»): «Маяковский любил зверей. Собак, во всяком случае, не только умозрительно. Об этом вспоминал Роман Якобсон: "...а собак он очень любил. Это видно из последней части "Про это" и из ряда других вещей, но особенно это сказывалось в жизни. Он весело и нежно играл со Щеником (Щен–собака В. В. Маяковского в 1919–1920 гг.) и не раз говорил мне: "Вот Щен – зверь, люблю зверей, Щен – как люди, а говорить не может. Это приятно" ...Маяковский подписы-

вал письма к любимой женщине – Щен, т. е. редеминутив от щенок, нередко замещаемый или сопровождаемый изображением ушастого пса... Лилю Брик он в этих письмах называет "Киса". У Бриков, где Маяковский жил, был культ животных. Тема животных в период, предшествующий написанию стихотворения, нередко возникала в творчестве поэта. В трагедии "Владимир Маяковский" (1913) герой поэмы говорит: "Я вам открою | словами | простыми как мычание | наши новые души". Другой персонаж этой трагедии (Человек с кошкой) призывает: "Идите и гладьте – | гладьте сухих и черных кошек". В "Облаке в штанах" (1914–1915) у Маяковского образ – собака бьющую руку лижет» [Супрун 2001:132–133]. Сейчас такие сведения найти легко – достаточно заглянуть во Всемирную паутину. Однако во время перелистывания книжных страниц эта работа требовала особого упорства и особого таланта.

Подобные наблюдения привели к написанию Супруном статьи о подобных явлениях, где уже в названии («Текстовые реминисценции как языковое явление») делается, на мой взгляд, революционный вывод – это не простые фрагменты текста, и даже не знак диалогических отношений в понимании Бахтина, а системные составляющие языка: хотя «это скорее не строгие единицы, как слова, морфемы, предложения, фразеологизмы, а такие элементы, которые относятся, быть может, больше к психологическим феноменам памяти, чем собственно языка как системы, но поскольку эта память – о словесных явлениях, она примыкает к языковому устройству и ТР могут рассматриваться как часть языка» [Супрун 1995: 29].

Можно сказать, что любовь к математике, которой Адам Евгеньевич изменил с филологией, безусловно, повлияло на проводимый им анализ текста. Математические методы были использованы в статье 1979 г. – «К количественной оценке лексического богатства текста», опубликованной в журнале «Филологические науки» [Супрун 1979]. Позже исследование даже самого лирического стихотворения необходимо сопровождалось статистическим подсчетами, которые делали это анализ еще более интересным. Вот, например, фрагмент, представленный в статье о повторяемости («По-

втор в лексической структуре текста): «При некотором огрублении можно сказать, что в стандартных прозаических произведениях встречается обычно в первой сотне словоупотреблений порядка 80 – 85 разных слов, во второй сотне – порядка 70–75, в третьей и четвертой – порядка 60–70, в пятой – порядка 50 – 60 и т.д. Где-то к сотой сотне прирост новых слов составляет около 10 – 15 на сотню, к тысячной – порядка 5–7. Дальнейшее замедление прироста новых слов ведет к тому, что усредненное ожидание новых слов в тексте объемом свыше полумиллиона словоупотреблений доходит до величины, приближающейся к нулю. Новые слова в таких текстах как бы не ожидаются: лексическая тема исчерпывает себя. Стоит напомнить, что именно полмиллиона словоупотреблений – это объем крупнейших романов, таких, как "Война и мир" А. Н. Толстого или "Сага о Форсайтах" Дж. Голсуорси» [Супрун 2001: 110].

Возможно, алгеброй нельзя измерить гармонию. Но Адам Евгеньевич обращался и к музыке. Так, анализируя стихотворение Марии Петровых («Лексическая структура текста в ее сопоставлении с грамматической») он сравнивает переплетение лексической и грамматических структур с переплетением двух партий – «выражаясь принятым в музыке термином» [Супрун 2001: 119].

Зная много языков и много стихов, Адам Евгеньевич анализировал тексты только на тех языках, которые чувствовал. Тем более показателен его анализ стихотворений на белорусском языке, который не был для него родным – это стихотворения В. Короткевича «Дзяўчына пад дажджом», Я. Коласа «Ручэй», а также М. Танка «Самыя балючыя раны...» и «Як збіраць кветкі» [Супрун 2001].

Интересно отметить, что текстовые исследования не перебивали интерес Адама Евгеньевича к единицам других уровней языковой системы. Так, хулиганское заявление лисы из полабской песни *Risplasteite miang Peisong, Bungde woßa Teisko* 'расплющите мою задницу, будет ваш стол' рассматривается как реализация полабского императива двойственного числа, реликтовой и уникальной формы [Супрун 2001:21–22]. Но прийти к такому выводу Супруну позволил анализ всей текстовой структуры этого произведения.

Также текстовая структура помогла Адаму Евгеньевичу высказать уточнения относительно некоторых семантически и этимологически темных мест из Фрейзингских отрывков («Материалы к изучению лексической структуры службы св. Вячеславу (Вацлаву)»): «Возможно, грех 7* следует понимать как грех зависти, тогда он бы соотносился с грехом (4) в перечне ФпI. Именно так толковал термин *nepauuizt* в ФпII И. Графенауэр..., основываясь на данных словенских говоров, где до сих пор этой лексемой может обозначаться 'зависть'; это вызвало возражение А. В. Исаченко..., полагавшего, что надежная старославянская параллель НЕНАВИСТЬ более подходит для толкования этого места, тем более, что в Фп II имеется глагол *uznepauwidesse* с бесспорным значением 'возненавидеть'. Может быть и так с точки зрения системы, однако с точки зрения текста едва ли может быть исключено толкование 'зависть', а языковая система, при помощи которой создавался текст, ведь в то время находилась отнюдь не в упорядоченном состоянии» [Супрун 2001: 22–23].

Таким образом, лингвистика текста, которой Адам Евгеньевич Супрун занимался последние годы, явилась квинтэссенцией его научного творчества и убедительной демонстрацией его научных достижений в других областях филологической науки. Хотелось бы, чтобы идеи, высказанные в этих его работах, были восприняты новым поколением исследователей структуры текста, снова привлекающей к себе научное внимание.

Литература

1. Клименко, А. П. Две модели порождения текста при двуязычии, перенос и интерференция / А. П. Клименко, А. Е. Супрун // Психология и методика обучения второму языку. Механизмы переноса речевых навыков и умений. – М., 1971. – С. 94–96.
2. Супрун, А. Е. Исследования по лингвистике текста: сб. ст. / А. Е. Супрун. – Минск, 2001.
3. Супрун, А. Е. К количественной оценке лексического богатства текста / А. Е. Супрун // Научн. докл. высшей школы / Филол. науки. – 1979. – № 1. – С. 44–48.
4. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопр. языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.

5. Супрун, А. Е. Художественный текст в учебнике русского языка / А. Е. Супрун // Междунар. симпоз. «Роль русской и советской литературы в преподавании русского языка как иностранного» (Тез. докл. и сообщений). – М., 1972. – С. 89–90.

6. Супрун, А. Е. Язык – текст – речь / А. Е. Супрун // Респ. межвузовская конф. по вопр. методики преподав. и теории иностранных языков, посвящ. 50-летию Советской власти (Тез. докл.). – Алма-Ата, 1966. – С. 251–252.

7. Jakobson, R. Parts and wholes in language / R. Jakobson // Selected Writings / R. Jakobson. – T. 2. Word and language. – The Hague-Paris, 1971.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЙ А. Е. СУПРУНА КАК МОДЕЛЬ ОТСУТСТВИЯ ГРАНИЦ МЕЖДУ НАУКОЙ И ИСКУССТВОМ

В. А. Маслова

А. Е. Супрун оставил глубокий след в науке. Но если его работы по отдельным славянским языкам, по категории числительного, по грамматике славянских языков, по семантике и этимологии и многие другие получили мировую известность, то работы по художественному тексту известны сравнительно небольшому кругу специалистов. Интерес к художественным текстам А. Е. Супрун проявил еще в 1954 году в работе о языке комедии «Ревизор». В последних работах по анализу лексической структуры поэтических произведений Б. Пастернака, А. Ахматовой и др. поражает не только то, **что** здесь описывается, с какой тонкостью и глубиной проникновения в смысл стихотворений дается анализ, но и то, **как** это делается, т. е. само искусство исполнения этих интерпретаций.

Цель данного доклада – показать, что интерпретации стихов, сделанные А. Е. Супруном, это поистине соединение научного знания мира и его художественного видения. Не случайно А. Е. Супрун еще в конце прошлого века заметил, что слияние содержания и выразительной стороны обуславливает ее результативность и воздействует красотой [Супрун, 2001: 27].

Еще ранее Ю. С. Степанов высказал идею о том, что между поэзией и наукой существует очень тонкая грань: научное познание мира сливается с его художественным видением. И действительно, от научных текстов мы можем испытывать такое же эстетическое чувство, как и от произведений искусства. Например, можно много говорить о красоте работ В. В. Виноградова, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, М. Гаспарова, А. Е. Супруна.

В их работах наука приближается к творчеству, т.к. здесь она все более отдаляется от реальности, «углубляется в

самопознание и ищет источники развития уже внутри себя» [Фатеева, 2004: 4]. Как будто бы противоположные тенденции на самом деле ведут к нейтрализации различий между данными феноменами.

На первый взгляд кажется, что лингвист тоньше поэта и больше понимает в его тексте (ср., например, анализы поэтических текстов, сделанные Ю. М. Лотманом, М. Гаспаровым и др.), но ученый лишь понимает то, что у гениального поэта произошло помимо его сознания, без усилий.

Многие поэты (от А. Пушкина до Б. Пастернака, Д. Пригова и других современных поэтов) писали о поэзии, пытаясь постичь ее назначение, определяя ее, т. е. выполняли функции исследователей: *Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен* (А. Пушкин). У Бориса Пастернака целый цикл стихотворений посвящен этой теме ("Определение творчества", "Определение поэзии", "Стихи мои, бегом, бегом...", "Про эти стихи", "Поэзия", "Смерть поэта" и др.).

Поэты всегда пытались проникнуть в тайны творчества: *Ты победной Амазонкой / Пред фалангой русских слов / Кликнешь рифму – отзыв звонкой / Пробежал – и стих готов!* (М. Дмитриев).

В поэтических текстах встречаются образные характеристики различных терминов – слова, предложения, текста, уточняются характеристики многих языковых явлений. Например, в пародийном стихотворении современного поэта А. Левина «За далью даль» мы читаем:

1. *И что смешно:
Концепт это сила.*
2. *И что интересно:
Концепт это интересно.*
3. *И что странно:
концепт это
как-то странно этак.*
4. *И что концепт?
Это сила, это интересно, это как-то этак.
Ну, и это Рубинштейн.*